

ЙИНДРЖИШКА КАПИТАНОВА

Университет имени Палацкого, г. Оломоуц, Чехия

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ И РЕЗУЛЬТАТЕ ПЕРЕВОДА С ЧЕШСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Воспринимая перевод прежде всего как культурный трансфер, современная теория перевода уделяет все большее внимание сохранению в процессе перевода комплексной интегрированной информации, т.е. сохранению референциального и прагматического значений. По мнению некоторых ученых (Knittlová 2003), в переводе речь идет о гармоничном взаимодействии между системой средств выражения и ее применением (т.е. семантикой и прагматикой). Учитывая факты сложного взаимодействия данных культур, Йулианэ Хаус (House 2014) характеризует перевод как «реконтекстуализацию» текстов, в ходе которой идеи оригинала восстанавливаются в окружении нового контекста с учетом так называемого культурного фильтра. Следовательно, адекватный с прагматической точки зрения перевод достигается не простой субституцией средств языка оригинала средствами языка перевода, но его прагматической реконструкцией. Мы уверены в том, что на протяжении данного процесса определенное место занимает и установление стилистической эквивалентности.

Эквивалентность в современном переводоведении отличается несколькими общепринятыми характерными чертами — относительностью своей реализации, внутренней разнородностью (или многогранностью) и ранжированностью своих составляющих. Во-первых, отмечается только относительный характер реально достижимой эквивалентности перевода, в связи с чем необходимо учитывать ряд фактов, влияющих на варьирование эквивалентности (ср. Выходилова 2013: 48 — характери-

стика текста, культурная специфика жанра, степень близости языка оригинала и языка перевода и т.п.). Во-вторых, признается разнообразие аспектов эквивалентности, выявляющее сложную и комплексную природу данного явления (ср. содержательное, текстуальное, стилистическое, экспрессивное, формальное, прагматическое и т.п. соответствие, Выходилова 2013). В-третьих, имеет место внутренняя иерархизация уровней эквивалентности. Таким образом, выделяются взаимодействующие, но последующие в иерархии друг за другом уровни эквивалентности. Элементарная модель ранжированности эквивалентности состоит из трех компонентов — выделяются формальный, смысловой и ситуативный уровни (Гак, Григорьев 2000). Разрабатывая иерархию уровней эквивалентности с учетом единиц языка, участвующих в создании смысловой структуры текста, Вилен Н. Комиссаров (1973) выделяет пять компонентов — эквивалентность на уровне знаков, на уровне структуры высказывания, на уровне сообщения, на уровне описания ситуации и на прагматическом уровне. Учитывая комплекс смысловых уровней и функций текста, Вернер Коллер (Koller 1989) дает характеристику пяти уровням эквивалентности — референциальной (или денотативной), коннотативной (или стилистической), текстуально-нормативной, прагматической и формальной эквивалентности (ориентированной на передачу художественно-эстетических, индивидуализирующих и других формальных признаков оригинала). Итак, имеется возможность установить в переводе отношения соответствия низшего и высшего разряда. Именно вышеприведенные черты эквивалентности перевода создают объективные предпосылки для выделения и изучения нами уровня стилистической эквивалентности.

Мы сочли данное понятие полезным и уместным термином, обозначающим в процессе достижения полной функциональной эквивалентности промежуточный ее этап и метко, эксплицитно называющий суть данной разновидности соответствия, несмотря на то что термин «стилистическая эквивалентность» в русской переводоведческой литературе встречается не часто и, как правило, под влиянием работ по теории перевода англоговорящей среды. Наталья Н. Трошина ее характеризует как «один из видов переводческой эквивалентности, близкий к коммуникативной, прагматической и функциональной эквивалентности» (Трошина 2010: 195). Последние, по словам автора, принимают

в учет именно коммуникативный акт и его компоненты — отправителя и получателя текста и т.п., и делают акцент на достижении максимальной верности интенции автора исходного текста и приемлемости переводного текста в принимающей культуре.

Итак, стилистическая эквивалентность занимает позицию промежуточного звена между содержательной и прагматической эквивалентностью и устанавливается между стилистически маркированными, предпочитаемыми в данном стиле или жанре явлениями исходного языка (далее ИЯ) и языка перевода (далее ПЯ). В отличие от элементарной содержательной эквивалентности, стилистическая эквивалентность уделяет внимание специфическому языковому выражению смысла (т.е. стилистически значимым конструкциям), не достигая, одновременно, уровня соответствия в плане общего коммуникативного намерения. Другими словами, в процессе установления эквивалентности в плане комплексной смысловой структуры текста ИЯ и ПЯ стилистическая эквивалентность стоит выше денотативной эквивалентности и ниже эквивалентности прагматической.

Наряду с универсальным характером стилистических языковых явлений в разных языках формируются и действуют лингво-специфический узус, конвенции, нормативно-стилистический уклад, т.е. формируется общепринятый и предпочитаемый данным культурно-языковым сообществом вариант реализации данного значения. Расхождения в стилистических системах языков сводятся не только к диапазону и качеству стилистически маркированных средств выражения, а, в частности, к более общим лингвоспецифическим принципам отбора и организации средств выражения (Pechar 1986). Речь идет не о языковых, но, скорее, **когнитивно-обусловленных фактах, проявляющихся**, например, в характере и уровне обобщения передаваемой информации (ср. выбор абстрактного или конкретного), в качестве структуры текста (ср. эксплицитную или имплицитную организацию), в общей тональности изложения (ср. привлечение средств литературного или разговорного языка). Итак, помимо универсально действующих стилистических конвенций можно привести примеры отдельного стилистического стереотипа (нормативно-стилистического уклада, Мечковская 2000) конкретного национального языка, например, в следующих областях: качество и частота применения экспрессивных приемов, соотношение в тексте рационального и эмоционального,

характеристика конкретной языковой ситуации. В частности, относительно конкретного воплощения в тексте экспрессивной функции Книттлова убедительно показывает разницу между концентрированным характером употребляемых в нейтральном английском тексте изолированных экспрессивных и более эксплицитным, охватывающим все высказывание экспрессивным подходом в чешском (ср. пр. *little while — chvílinka, минуточка; I sort of gave her the old eye — Karánek jsem po ní házel očkem*) (Knittlová 2003: 59). В случае звуковой экспрессии французский язык, например, употребляет в устойчивых сочетаниях прием аллитерации, в то время как в чешском отдается предпочтение рифме, ср. пр. *promettre monts et merveilles — slibovat hory doly; parler à tort et à travers — mluvit páté přes deváté* (Večka 1986: 659). В дальнейшем, что касается соотношения в тексте рационального и эмоционального, по наблюдениям авторов (Fürstová 1977: 129) французскому научному стилю в отличие от чешского и русского материала присущ более широкий диапазон стилистического контраста — т.е. совмещение рационального и эмоционального подхода (например, в плане языкового оформления сочетание книжных и разговорных средств, метафорических приемов, фразеологизмов, жаргонизмов с сильным прагматическим потенциалом), ср. пр. *Cést une bête magnifique et racée* (о мотоцикле — букв.: «Это сильный зверь благородного происхождения»). Не в последнюю очередь на характер нормативно-стилистического уклада оказывает влияние и состояние конкретной языковой ситуации. В связи с культурно-историческими условиями развития конкретного национального языка в языке формируются и взаимодействуют специфические разновидности (ср. этнические диалекты в США, просторечие в России, обиходно-разговорный чешский язык), обладающие для носителей языка большим стилистическим и прагматическим потенциалом, но не имеющие прямого формального или функционального соответствия в ситуации языка перевода.

В любом из вышеприведенных случаев прямой перевод данного нормативно-стилистического уклада (т.е. установление лишь формального уровня соответствия) приводит к стилистической интерференции — неуважению и нарушению стилистико-прагматических особенностей языка оригинала и перевода, иногда и к нарушению стилистического и прагматического инварианта оригинала. Например, в случае перевода русских пу-

блицистических текстов на чешский язык Нина Б. Мечковская утверждает, что «разговорные средства русского языка в газетно-публицистическом стиле требуют при переводе на чешский стилистически более нейтрального соответствия, чтобы не нарушить степень стилистического контраста, допустимого в чешской литературной речи» (Мечковская 2000: 41).

В нашей статье внимание будет уделяться стилистической эквивалентности на материале параллельных чешских и русских текстов сообщений, инструкций по эксплуатации, презентации или общих торговых условий предприятия (т.е. информирующих жанров газетно-публицистического стиля, официально-делового, научного стилей). Наш выбор обусловлен тем, что данные тексты позволяют изучать стилистическую эквивалентность в отвлечении от эстетических и фатических составляющих дискурса.

В процессе активного перевода текста на иностранный язык на работу переводчика оказывает сильное влияние интерференция: переводчик стихийно стремится прибегать к формальной эквивалентности (Гак, Григорьев 2000). Текст перевода, таким образом, лишен узуальности — стилистически маркированных средств, предпочитаемых представителями языкового сообщества ЯП. Мы исходим из предположение Комиссарова, что в смысловой структуре текста «значима (т.е. репрезентирует информацию) и структура высказывания, передающая дополнительную информацию» (Комиссаров 1973: 65). В частности, между чешским и русским языками, по нашим наблюдениям, имеются некоторые расхождения и предпочтения в плане формальной сжатости выражения (высказывания или лексемы), семантической иерархизации высказывания (агентивность, *субъектность* против деагентизации высказывания; динамизм против статичности) или на уровне логической структуры текста и средств ее выражения (эксплицитные пр. имплицитных). Речь идет не о фактах грамматического уровня, обусловленных коренными расхождениями в языковой ситуации и системе ИЯ и ПЯ, но о фактах выбора стилистически маркированной конструкции (т.е. стилистической синонимии в ЯП).

Итак, на основании нашего опыта изучения сопоставительной стилистики русского и чешского языков и обучения письменному переводу мы предлагаем для рассмотрения в случае перевода с чешского языка на русский следующие пять стилистических трансформаций на уровне высказывания.

1. **Применение в русском тексте высшей степени синтаксической конденсации** (ср. теорию четырех степеней синтаксической конденсации чешского лингвиста Йосефа В. Бечки; Ве́ска 1992). Данный прием соответствует тенденции русского книжного стиля к более сжатой синтаксической структуре сложного предложения. Таким образом, в переводе сохраняется смысловое содержание сложного предложения при конденсации его формального выражения за счет применения в русском глагольных конденсаторов — причастных (ср. 1а), де-епричастных (ср. 1б) оборотов или предложно-падежных конструкций с отглагольными существительными (ср. 1в; в данном случае возникает так наз. простое полипропозитивное предложение — «простое предложение, образованное путем свертывания сложного», Москвин 2006: 583), ср. примеры:

- 1а) Dodržujte prosím předpisy, které **jsou platné** ve vaší zemi.
Соблюдайте предписания, **действующие** в Вашей стране.
Jsme rádi, že jste se rozhodl/a pro platební kartu, kterou **jsme** pro vás **připravili** na základě uzavřené smlouvy.
Спасибо, что Вы выбрали платежную карту, **выпущенную** на Ваше имя согласно заключенному Договору.
- 1б) Bochemie, aniž **by změnila** svou strategickou geografickou polohu, patřila do několika státních útvarů.
Не меняя свое стратегическое географическое положение, АО «Бохемие» входила в состав нескольких государств.
Ford tuto pomoc odmítl **s tím, že** to pro společnost **není výhodné**.
Форд от государственной помощи отказался, **сочтя** условия невыгодными для себя.
- 1в) Aby **mohlo být** vaše dítě správně **chráněno**, musí být sedačka namontována [...].
Для надлежащей **защиты** ребенка сиденье должно быть установлено [...]
Pokud **máte podezření** na zneužití Vašeho přístupu do elektronického bankovníctví (**byl spuštěn** přiložený soubor, **kliknuli jste** na odkaz ve zprávě, počítač **se chová** nestandardně...), doporučujeme následující postup pro minimalizaci dopadů.
В случае подозрения на злоупотребление данными для доступа в систему «Sberbank Online Banking» (**по причине открытия** приложения, **нажатия** на ссылки, **несогласованных операций** на Вашем компьютере..) мы рекомендуем выпонять следующие действия **с целью устранения** неблагоприятных последствий.
Nepoužívejte, pokud **lze** střed víčka **promáčknot**.
При возможности продавливания середины крышки не использовать.

В данном случае при помощи синтаксических конденсаторов происходит не только формальная трансформация предложе-

ния, но «сжимается» именно побочное по смыслу или интенции адресанта действие. Итак, данную трансформацию можно считать приемом смысловой иерархизации высказывания в русском языке. С точки зрения стилистики повышается логичность и книжная окраска изложения.

2. Применение в русском тексте страдательных форм глагола (ср. 2а, 2б) и неопределенно-личных предложений (ср. 2в). Данный прием соответствует тенденции русского книжного стиля к безличному характеру изложения («в научном стиле пассив служит для изображения фактов объективной действительности, независимых от воли субъекта познания — исследователя. В официально-деловом стиле пассив усиливает акцент на самом действии как на необходимом, неизбежном, в чем отражается предписывающий характер стиля»; Голуб 2001: 313–314), ср. примеры:

- 2а) Změny **smí provádět** výhradně výrobce.
Изменения **вносятся** исключительно фирмой-изготовителем.
- 2б) Projekty, které **realizují** členské země EU [...]
Проекты, **реализуемые** странами-участницами ЕС [...]
- 2в) [...], jak **sdělilo** Ministerstvo financí RF.
[...], как **сообщили** в Минфине РФ.

Речь идет не о простой транспозиции формы глагола, но о стилистической трансформации и смене перспективы высказывания. Данные семантико-структурные разновидности предложения переносят смысловой акцент с субъекта действия на само действие и его объект, способствуя, таким образом, более яркой смысловой иерархизации высказывания и большей объективности, официальности изложения. Грамматисты говорят о деагентизации русского высказывания или анонимизации производителя действия (Жажа 1996).

3. Использование в русском тексте именных выражений (напр., отглагольных, отадъективных существительных) взамен глагольного выражения в чешском высказывании. Данный прием соответствует тенденции русской книжно-письменной речи к номинальному характеру высказывания (ср. Москвин 2006: 576 «стремление к номинативной точности, детализации смысла является источником повышения содержания

имен существительных в научной речи — отсюда именной [«номинальный», номинативный, субстантивный] характер научного стиля»¹). Таким образом, семантика глагола передается при помощи аналогичных именных выражений — «синтаксических дериватов» (Милославский 2001), ср. примеры:

- 3а) Banka **se zaměřuje** na poskytování úvěrů [...] **Специализация** банка — кредитование сектора [...]
 3б) **Vyplýnulo** to z průzkumu veřejného mínění. **Таков результат** опроса.
 3в) Nikdo **nebyl zraněn**. **Пострадавших** нет.
 3г) Právní vztahy [...] se řídí právním řádem České republiky, **není-li dohodnuto** jinak.
 Правоотношения [...] регулируются правовыми нормами Чешской Республики, если **нет** другой **договоренности**.

В данном случае в переводе с чешского на русский снижается динамизм высказывания, именной вариант перевода способствует более абстрактному, статическому изложению — «действие лишается активности, усиливается канцелярская окраска речи» (Голуб 2001: 71).

4. Применение в русском тексте составных наименований в плане номинативных единиц (т.е. словосочетания вместо имени существительного или прилагательного — ср. 4а, глагольно-именного сочетания вместо глагола ср. 4б) и служебных частей речи (сложных предлогов — ср. 4в). Данный прием мультивербизации соответствует тенденции русского книжного стиля к эксплицитной номинации абстрактных фактов, действий, логических отношений, ср. примеры:

- 4а) havarijní pojištění — страхование по случаю аварии
 platnost karty — дата окончания срока действия карты
 schválení — разрешение для эксплуатации
 4б) POZOR! Vaše dítě se potom může **popálit**.
 ВНИМАНИЕ! Ребенок может при этом **получить ожоги**.
 Schválení **zaniká**, jakmile na dětské sedačce něco změníte.

¹ Научный стиль здесь является образцом книжно-письменной речи вообще, ср. (Москвин 2006: 596): «общие особенности синтаксиса и лексико-фразеологической системы сближают деловую речь с научной. В настоящее время принято говорить о специальной речи, объединяющей научную, техническую и деловую».

При внесении пользователем каких-нибудь изменений в конструкцию сиденья разрешение для эксплуатации **утрачивает силу**.

Naším klientům pomáháme **zhodnotit** jejich peníze.

Мы помогаем нашим клиентам **увеличивать доходность** их средств.

4в) **podle** agentury Reuters — **по данным** агентства Рейтерс.

Při špatném osvětlení je příjem textu znesnadněn.

V условиях плохой освещенности текст воспринимается с трудом.

Navrhujeme splatit Vaši pohledávku **ve** třech splátkách v odstupu dvou měsíců.

Предлагаем уплатить вашу задолженность **в форме** трех платежей с интервалом два месяца.

Несмотря на «избыточность» формы, приведенные устойчивые сочетания отличаются в русском языке высокой эффективностью, они служат более ясному, точному и логическому обозначению явлений (т.е. абстрактности и семантической дифференциации; детализации смысла [Москвин 2006]).

5. Последовательное применение в русском тексте эксплицитных средств сверфхразовой связи (т.е. текстовых коннекторов и ориентиров [Флидрова 2004]). Данный прием соответствует тенденции русского книжного стиля к эксплицитной, логической организации предложения и текста — в книжной речи «точность выражения требует более отчетливого оформления синтаксических связей между частями предложения и текста» (Баженова 2003: 443), ср. пр.:

5а) *Klíčová sazba **tak** nyní činí 4,5% ročně.*

Следовательно, ключевая ставка сейчас составляет 4% годовых.

5б) *V zásadě platí: [...]*

*В принципе, действует **следующее** правило: [...]*

5в) ***Tak** zajistíte svoji dětskou sedačku: [...]*

*Вы можете зафиксировать детское сиденье, **действуя следующим образом** [...]*

Наше наблюдение подтверждается заключениями исследователей, согласно которым в разных языках общий принцип логической организации текста имеет разную конкретную реализацию. Например, в русском тексте научного стиля эксплицитные сигналы когезии (присоединительные коннекторы, текстовые ориентиры) применяются более последовательно и с большей частотностью, чем в чешском (Флидрова 2004). Чешский науч-

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ...

ный стиль, в свою очередь, является более эксплицитно организованным по сравнению с английским (Knittlová 2003).

Стоит отметить, что вышеприведенные стилистические черты русского письменного текста составляют не окончательный список стилистических особенностей данного вида текстов по сравнению с их чешскими аналогами. Это лишь самые представительные характеристики, которые, как правило, в реальном тексте сосуществуют и взаимодействуют, ср. примеры русского оригинала и чешского перевода:

Pokud podobný email **obdržíte**, doporučujeme následující postup: **nereagujte** na obsah zprávy [...]

В случае получения незапрашиваемого электронного письма, мы рекомендуем **выполнять** следующие **действия: не отвечать** на сообщение [...]

Dotazy nám **můžete** položit také prostřednictvím e-mailu.

Вопросы **можно** присылать также по **нижеуказанному адресу электронной почты**.

В заключение можно обобщить, что наш опыт работы с параллельными чешскими и русскими текстами информирующих стилей выявляет высокий стилистический и прагматический потенциал приведенных приемов для носителей русского языка. Примечательно, что выделенные нами факты сопоставления чешского и русского языков соотносятся с предложенными Бечкой пунктами изучения сопоставительной стилистики научных текстов вообще (ср. сжатость синтаксической конструкции, формальная насыщенность выражения, степень динамизма выражения, связь предложений и сверхфразовых единств [Ве́ска 1977]). Таким образом, оказывается возможным применение данных стилистических явлений в качестве инструментов изучения общей сопоставительной стилистики научных текстов.

Мы надеемся, что осознанное применение данных приемов в процессе чешско-русского перевода способствует установлению высшего уровня стилистической эквивалентности. В частности, можно говорить о сближении русского текста перевода с чертами книжных стилей. При помощи приведенных стилистических трансформаций в русском тексте подчеркивается логичность, ясность и точность выражения, безличностный характер изложения (или *бессубъектность*) и абстрактность со-

держания. Данный факт свидетельствует о высшей интеллектуальности и официальности стилизации указанных текстов в русской культурной среде по сравнению с чешской.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- J.V. Bečka, *Konfrontační stylistika odborných textů a překlad* // A. Popovič (ред.), *Překlad odborného textu*, Slovenské pedagogické nakl., Bratislava 1977, с. 91–98.
- J.V. Bečka, *Míra využívání expresivity v různých jazycích* // «*Translatologica Pragensia II*» 1986, с. 651–663.
- J.V. Bečka, *Česká lexikologie*, Academia, Praha 1992.
- C. Bosák, *Několik poznámek k syntaxi ruského a českého odborného stylu* // *Kniha o překládání. Příspěvky k otázkám překladu z ruštiny*, Nakladatelství československo-sovětského institutu, Praha 1953, с. 229–246.
- E. Fůrstová, *Několik poznámek z oblasti porovnávací stylistiky (francouzsko-české porovnání)* // *Překlad odborného textu*, Slovenské pedagogické nakl., Bratislava 1977, с. 125–133.
- Z. Hladká, *Multiverbizace* // P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová (ред.), *Encyklopedický slovník češtiny*, Lidové noviny, Praha 2002, с. 276.
- J. Kapitánová, *Antologie textů ke srovnávací stylistice. Komentáře a analýzy*, Vydavatelství Univerzity Palackého, Olomouc 2013.
- D. Knittlová, *K teorii i praxi překladu*, Vydavatelství Univerzity Palackého, Olomouc 2003.
- Z. Kufnerová и др., *Překládání a čeština*, Н а Н, Jinočany 2003.
- J. Pechar, *Stylistické problémy překladu* // «*Translatologica Pragensia II*» 1986, с. 105–115.
- Е.А. Баженова, *Стилистическая парадигматика* // М.Н. Кожина (ред.), *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*, Флинта, Наука, Москва 2003, с. 439–444.
- Л.С. Бархударов, *Язык и перевод*, Международные отношения, Москва 1975.
- З. Выходилова, *Введение в теорию перевода для русистов*, Vydavatelství Univerzity Palackého, Оломоуц 2013.
- В.Г. Гак, Б.Б. Григорьев, *Теория и практика перевода. Французский язык*, Интердиалект+, Москва 2000.
- И. Голуб, *Стилистика русского языка*, Флинта, Москва 2001.
- Н.Б. Данилевская, Т.Б. Трошева, *Стилистические ресурсы синтаксиса* // М.Н. Кожина (ред.), *Стилистический энциклопедический словарь русского языка...*, с. 474–482.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ...

- С. Жажа, *Различия в структуре современных близкородственных славянских языков (русского и чешского)* // «Diss. Slav.: Lingv.» XXIV [Szeged] 1996, с. 27–38.
- В.Н. Комиссаров, *Слово о переводе*, Международные отношения, Москва 1973.
- В.Н. Комиссаров, *Лингвистическое переводоведение в России*, Изд-во «ЭТС», Москва 2002.
- Н.Б. Мечковская, *Социальная лингвистика*, Аспект Пресс, Москва 2000.
- И.Г. Милославский, *Словообразование* // Л.А. Новиков (ред.), *Современный русский язык*, Лань, Санкт-Петербург 2001, с. 330–378.
- В.П. Москвин, *Стилистика русского языка. Теоретический курс*, Феникс, Ростов-на-Дону 2006.
- Т.Б. Трошева, *Стиль книжный* // М.Н. Кожина (ред.), *Стилистический энциклопедический словарь русского языка...*, с. 514–516.
- Н.Н. Трошина, *Стилистическая эквивалентность* // М.Б. Раренко (ред.), *Основные понятия переводоведения (отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник*, ИНИОН РАН, Москва 2010, с. 195–196.
- Г. Флидрова, *К проблематике членения научного текста (на материале русского языка)* // Оломоуцко-Грацкие славистические чтения, Изд. Университета им. Палацкого, Оломоуц 2004, с. 31–38.
- J. House, *Translation Quality Assessment: Past and Present*, Routledge, London 2014.
- W. Koller, *Equivalence in Translation Theory* // А. Chesterman (ред.), *Readings in Translation Theory*, Oy Finn Lectura Ab., Helsinki 1989, с. 99–104.

ИСТОЧНИКИ

- Evolva 1-2-3 plus. Návod k použití*. Britax Excelsior Ltd. 2010.
- Evolva 1-2-3 plus. Инструкция по эксплуатации*. Britax Excelsior Ltd. 2010.
- www.sberbankcz.cz (01.09.2014).
- www.sberbankcz.cz/ru (01.09.2014).
- www.slavia-pojistovna.cz (01.09.2014).
- www.slavia-pojistovna.cz/ru (01.09.2014).

Jindřiska Kapitanová

STYLISTYCZNA EKWIWALENCJA W PROCESIE I REZULTACIE PRZEKŁADU
Z JĘZYKA CZESKIEGO NA ROSYJSKI

Streszczenie

W artykule przeprowadzono badanie ekwiwalencji w aspekcie teoretycznym i na materiale konkretnego przekładu czeskich tekstów informacyjnych na język rosyjski. Stylistyczna ekwiwalencja charakteryzowana jest w procesie przekładu jako element przejściowy między ekwiwalencją przedmiotową i pragmatyczną. Analizowane są specyficzne dla języka narodowego środki i chwytły. W szczególności autorka opisuje pięć stylistycznych transformacji wypowiedzi. Przekład jest tu rozumiany jako kompleksowa transformacja tekstu oryginalnego z uwzględnieniem stylistycznego stereotypu przekładu i preferencji dotyczących danego gatunku w kulturze przyjmującej.

Jindřiska Kapitanová

STYLISTIC EQUIVALENCE IN THE PROCES AND RESULT
OF TRANSLATION FROM CZECH TO RUSSIAN

Summary

The study investigates the issue of stylistic equivalence both in the theory of translation in general and in the particular case of Czech-Russian translation of texts for special purposes (instructions, information etc.). Stylistic equivalence is regarded as an intermediate stage between the formal level of equivalence and the pragmatic level. Language-specific stylistic devices are discussed to illustrate the necessity to include the level of stylistic equivalence in the proces of translation. In particular, five different stylistic transformations are proposed in case of Czech-Russian translation. Thus, translation is regarded as a complex transformation of the original text with respect to the stylistic stereotype and preferences of the respective genre in the target culture.